

УДК 94(470) «16/18»

Е.В. Карих

ЗНАЧЕНИЕ АНЮЙСКОЙ ЯРМАРКИ В МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РУССКИХ И ЧУКЧЕЙ

Рассматриваются торговые взаимоотношения чукчей и русских в конце XVIII – XIX в.

Ключевые слова: *русские, чукчи, торговля.*

Первые контакты русских и чукчей в XVII в. в большинстве случаев представляли собой вооруженные столкновения. Это было связано с попытками русских казаков присоединить чукчей согласно русской традиции покорения коренного населения, которая включала в себя принятие российского подданства, уплату ясака и выдачу аманатов. Однако ситуация осложнялась отсутствием у народов крайнего северо-востока традиции государственного подчинения [1]. Военные стычки с чукчами продолжались до конца XVIII в., но искомого результата, как известно, не дали. А в 1770 г. был упразднен Анадырский острог, бывший военным форпостом в русско-чукотских отношениях.

Содержание острога обходилось слишком дорого, а прибыль в виде ясака и имущества, захваченного в боях, была незначительна, и русские с Анадыря ушли. Снесли постройки, пушки и колокола утопили, военный гарнизон и верноподданных инородцев перевели в г. Нижне-Колымск и на р. Гижигу [2. С. 23]. Но как вскоре выяснилось, война к этому времени была уже не единственным поводом для общения. Еще во время существования Анадырского острога у русских и чукчей сложились торговые взаимоотношения. Русские товары: железные котлы, посуда, табак – прочно вошли в употребление чукчей, и уход русских с Чукотки аборигены восприняли неоднозначно. Колымский (Зашиверский) комиссар Боннер узнал о попытках чукчей выходить на р. Анюю для торговли с русскими, и, желая установить с ними нормальные отношения, в 1775 г. послал им подарки. На р. Ангарке (приток Б. Анюя) была построена Ангарская крепость для ведения торговли с чукчами [3. С. 32]. В обмен на подарки они платили ясак и производили необходимую мену товара. В 1794 г. по просьбе чукчей ярмарку перенесли на один из островов Б. Анюя в 200 верстах от г. Нижне-Колымска, за что она получила название «Островная» [4. С. 131]. Островная крепость состояла из деревянного забора с воротами, с 2 казармами внутри для казаков и комиссара с канцелярией, часовни святого Николая и около 30 домов [5. С. 174]. В 1848 г. разлив реки снес часть острова, и ярмарку перенесли на 10 верст ниже, на левый берег М. Анюя, но название «Островная» за ней сохранилось [3. С. 32].

Торговля с другими народами, в представлениях чукчей, была делом опасным. Они торговали в полном вооружении и, если им казалось, что их обманывают, пускали оружие в ход. Чукчи не были новичками в этом деле, у них был многовековой опыт обмена с американскими эскимосами [7]. По заверениям Ф.Ф. Матюшкина, они имели врожденное представление о прав-

де и рукой, на вес могли определить нехватку 1–2 фунтов [5. С. 178]. Чукчи сами выбирали товар, сами его оценивали и торговались из-за каждой мелочи [2. С. 109]. Такие традиции ведения торга сильно не совпадали с представлениями русских и якутских купцов о торговле с инородцами. Торговый обмен с коренным населением края неизменно придерживался кредитной системы, когда торговец давал аборигену в долг, в счет будущей добычи пушнины, улова рыбы и пр. Вне зависимости от расчетов, на следующий год кредит продолжался в нужном объеме, а промышленник сдавал всю свою добычу конкретному купцу. В случае с чукчами наивный купец, давший товары в долг, никогда не видел больше своего клиента, а если чукча чувствовал, что его обманывают, то ситуация могла закончиться потасовкой.

Однако в торговле с русскими чукчи не были необоснованно агрессивны. Стараясь расположить к себе собеседника, они издалека кричали «Тарова!» (здорово!) и гладили себя по голове, имитируя жест русского человека снимающего в знак приветствия головной убор [10. С. 197]. Для того, чтобы избежать недоразумений на Анюйской ярмарке, иркутский губернатор Н.И. Трескин разработал правила о меновой торговле русских с чукчами. По этим правилам чукчи должны были располагаться отдельным становищем и появляться на ярмарке только днем. Представители других народов могли посещать их также только днем. Если на стоянке чукчей обнаруживалась кража и выяснялось, что ночью у них были посторонние, пострадавшего должны были вознаградить, и, пока этого не случилось, торговля не возобновлялась. Запрещалась торговля в кредит, продажа и употребление спиртного. Перед началом торга русские купцы и чукотские старшины договаривались о единицах обмена [11. С. 3–4]. Например, в 1821 г. 2 пуда табака меняли на 16 лисьих или 20 куньих шкур. Правила Трескина стали своеобразной техникой безопасности для ведения торговли с чукчами. На самом деле спиртное привозили, но мало и в основном для себя. Торг шел исключительно в отведенное для этого время, и ссор между торгующими уже практически не бывало [5. С. 177].

Ярмарка проходила в начале марта и длилась около 10 дней. Она начиналась с прибытия комиссара и сопровождающих его лиц: казаков, толмача (переводчика), священника. Сначала комиссар собирал подати и одаривал чукчей, затем происходило торжественное богослужение в часовне и молебн, после этого на башне поднимали флаг, и торговля начиналась. Торг проходил на площадке перед воротами. Чукчи стояли спокойно, облокотясь на копыя возле своих товаров, разложенных на санях, а между ними суетливо бегали русские с тяжелой кладью. Носовые (торговые) чукчи предлагали товары, которые они выменяли у американских эскимосов (каргаулей): чернобурых лисиц, голубых песцов, куниц, бобров, выдр, медвежьих шкуры, моржовые ремни и клыки, а также свои товары, в основном одежду из оленьих шкур. Русские привозили железные изделия: топоры, ножи, котлы, деревянную посуду, листовой табак и бисер.оборот ярмарки в 1821 г. составил около 200 тыс. рублей, а плательщиков ясака, внесших по 1 красной лисе, было только 30. Чукчи не говорили по-русски, а русские – по-чукотски. Переводчиками были соседи чукчей чуванцы, юкагиры, эвены, которые так-

же приезжали на ярмарку торговать. Тем не менее общение не ограничивалось торговлей – чукчи и русские ходили друг к другу в гости, чукчей угощали леденцами и табаком, чай им не нравился. Некоторые соглашались креститься за несколько фунтов табаку и получали впридачу крестик и рубашку. Заканчивалась ярмарка спортивными состязаниями чукчей и плясками [11. С. 178–185].

В середине XIX в. обороты ярмарки заметно упали – до 8–12 тыс. руб. Это было связано с ослаблением деятельности Русско-американской компании в регионе и с усилением активности американских промысловых судов, которые практически перехватили пушную торговлю на Аляске и Чукотском носу. Американцы охотились на морских животных, выменивали съестные припасы и пушнину на ром, мануфактурные товары и оружие. И это было небезопасно для обеих сторон. В 1864 г. эрем носовых чукчей Дмитрий Хотто рассказывал колымскому исправнику Анатовскому, как один чукча напился на американском корабле и изломал у них две подозрительные трубы, за что был бит и выброшен за борт судна. Чукчи, желая отомстить, заманили к себе командира корабля и направили на него стрелы своих луков. Защищаясь, американец стрелял из пистолета, но когда патроны кончились, в него вонзилось одновременно несколько стрел [12]. (Тем не менее к концу XIX в. торговля с американцами прочно вошла в повседневную жизнь обитателей Чукотского носа, и многие чукчи даже говорили по-английски [13. С. 22.]

К середине XIX в. Анюйская ярмарка жила своей жизнью, в которой торговля была важной, но не единственной составляющей. Все начиналось так же с приезда колымского исправника в крепость и со встречи его с чукотскими эремами и другими значительными людьми. Большинство колымских казаков уже изъяснялось по-чукотски, и специальных толмачей не нанимали. Чукчи распробовали чай, и в маленькое помещение исправника к вечеру набивалось много людей, которые пили чай с сахаром и леденцами и курили табак. Во время чаепития исправник расспрашивал чукчей об их делах, о том, как прошла торговля с каргаулями (американскими эскимосами), какие суда их посещали. На таких приемах договаривались об оспопрививании в следующем году, о визитах эремов в Якутск, о поставке челибухи, которой травили волков, нападающих на их оленей. (В результате таких договоренностей эрем носовых чукчей Дмитрий Хотто посетил Якутск в 1858 г., а в 1859 г. – эрем оленных чукчей Андрей Амраургин). Затем проходила сдача ясака. Каждый чукча со шкурой лисы или песца на спине подходил к исправнику, согнувшись, тот, в свою очередь, снимал с них шкурки, тряс в воздухе и приговаривал: «Меченьки, меченьки», что по-чукотски значит «хорошо». Взамен шкуры чукча получал железный котелок, пальму или топор, а также 2 фунта табаку.

Во время ярмарки, а в 1860–1870-е гг. она проходила в конце марта – начале апреля, как правило, в один из дней праздновалась Пасха, и в местной часовне проходило праздничное богослужение. Чукотские эремы и другие богатые чукчи присутствовали на церемонии, крестились и даже говорили «хриштош вошкреш». Здесь они носили свои христианские имена, но не ду-

маю, что можно говорить даже о двоеверии. Чукчи просто отдавали должное уважение странным русским традициям.

Кроме официальных мероприятий, чукчи встречались с отдельными торговцами, где угощались не только чаем, но и водкой, и договаривались о ценах. Сама торговля до взноса ясака не начиналась, но зато проходила быстро, за один день, так как торговцы уже обо всем договорились заранее [14. С. 717–718].

В 1860 г. число плательщиков выросло до 88, и в ясак было внесено: 86 красных лисиц, 1 чернобурка, 1 кунья парка, 1 выдерья парка, 4 белых песца, 1 голубой песец, 10 куниц, 1 сиводушка, 4 моржовых клыка, 1 речной бобр, 1 рысь, 1 мышья парка, 1 парка из горностая, 1 выдра, 1 горностаевая кухлянка, 1 поровая парка. 4 пыжика, 4 оленьи шкуры, 15 выпоротков, 1 медвежья шкура. Это был самый большой ясак, но в 1850–1860-е гг. на Анюйской ярмарке меньше 50 плательщиков не было. Однако на предложение исправника послать в Якутск на обучение мальчиков чукчи неизменно отвечали отказом. Аманатов даже под таким культурным предлогом не выдавали и лишали власти возможности готовить подходящие для управления кадры.

В 1870-е гг. ситуация изменилась. Число плательщиков уменьшилось до 20 человек, особенно сократилось число носовых чукчей. Торговые обороты ярмарки заметно уменьшились – до 3–5 тыс. рублей, а в перечне товаров возросли объемы продуктов оленеводства: оленьи шкуры, выпоротки, ровдуги, кухлянки и пр. [12. Л. 1–134]. Это было связано не только с активностью американских китобойных судов, но и с тем, что центр русско-чукотской торговли переместился в с. Марково на Анадырь. В 1860–1880-х гг. именно в с. Марково зимой для торговли с русскими приезжали носовые чукчи с американскими товарами.

В 1869–1871 гг. барон Г. Майдель посетил Анюйскую ярмарку с целью выяснить положение дел и сделать необходимые распоряжения. Он отменил подарки и реформировал платеж ясака: перевел его на деньги по числу плательщиков и разделил чукчей на 5 участков по местам их кочевания. Правила Трескина Майдель нашел стеснительными и объявил свободную торговлю, ссылаясь на то, что чукчи вышли из пеленок и могут быть поставлены в одни условия с другими инородцами [11. С. 99]. Но, как видно из отчетов исправников, эти нововведения государственного чиновника быстро не прижились. На отмену подарков чукчи реагировали плохо, и их пришлось возобновить для носовых чукчей в благодарность за их дальний приход, а ясак продолжали вносить шкурами красных лисиц и песцов [15]. Гораздо больше эффекта имело разрешение барона Майделя, данное оленеводам в ответ на их просьбу перенести свои кочевья за реку Кольму, при условии принятия российского подданства. В результате большинство оленных чукчей распространило свои кочевья на запад до р. Индигирки и до р. Омолона на юг [2. С. 88–120]. Так, несмотря на падение торговых оборотов, неожиданно выросло культурное и политическое значение ярмарки для региона.

В 90-х гг. XIX в. обороты ярмарки снова выросли – до 10–12 тыс. руб. Среди товаров, привезенных чукчами, ценных мехов было немного, преоб-

лада белка и олени шкуры. Русские торговцы, напротив, привозили более широкий ассортимент: чай, табак, сахар, топленое масло, сухари, пряники, фарфоровую посуду, железные изделия, платки, сукно. Водка на ярмарке продавалась и вывозилась на Анадырь. Носовые чукчи приходили не каждый год и в небольшом количестве. Подарки отменили совсем, под предлогом, что на Анадыре это не принято [16]. Необходимость в переводчиках отпала вовсе, так как русские торговцы говорили по-чукотски. Ясак на Анюйской ярмарке уже платился деньгами, по той таксе, которую назначил барон Майдель. Причем, судя по всему, платился полностью одним человеком, представителем того или иного участка. В 1903 г. от чукчей приехал платить ясак один только старшина Коровия, который заплатил 10 руб. и на предложение земского заседателя Попова заплатить 12 руб. согласно окладным листам сообщил, что всегда платил по 10 руб. и ни о каких листах ничего знать не хочет. Все это позволило Попову сделать вывод о том, что деление чукчей на участки искусственно и основано просто на фантазии.

Несмотря на отмену правил Трескина, торговля с чукчами продолжала оставаться наличной и не только на Анюйской ярмарке, а везде где она велась (на побережье, на Анадыри, на Гижиге). Притом, что с эвенами, также ежегодно прибывающими в Островное, обмен товарами носил форму кредита. Так, в отчете земского заседателя Попова за 1903 г. сообщается, что ламуты внесли ясак, заплатили долги по пороху и свинцу за прошлые годы и взяли товары в долг на будущий год [17].

В 1887 г. была сформирована Анадырская округа, и с 1889 г. на Анадыре вновь обосновался представитель русской власти доктор Гриневецкий, а затем с 1894 г. Н.Л. Гондатти [18. С. 20, 35]. В 1895 г. добровольные плательщики от чукчей в Гижигинской округе заплатили в ясак 63 р. 50 к., а в Анадырской – 298 р. 15 к. [19. С. 16. Прил. 9]. Основные платежи ясака в конце XIX в. сосредоточились в с. Марково, и центр распространения русского влияния среди чукчей окончательно вернулся на Анадырь.

А в 1904 г. чукотскую ярмарку из Анюйской крепости перенесли в деревню Пантелеиху, в 45 верстах от г. Нижне-Колымска. Объясняя якутскому губернатору причины переноса ярмарки, земской заседатель Попов утверждал, что раньше торговлю с чукчами необходимо было отнести подальше из-за опасений перед их дикостью, а сейчас это не имеет никакого значения и сильно удорожает дорогу [20].

В конце XIX в. торговые отношения русских и чукчей вышли за рамки ярмарок. Нижне-колымчане и марковцы всю зиму вели торговлю с ними, обменивая табак и продукты домашнего ремесла на оленину [2. С. 48–88], а в голодные годы подолгу проживали в чукотских стойбищах, кормясь за их счет.

Таким образом, за полтора века своего существования Анюйская ярмарка сыграла важную роль в интеграции русских и чукчей, в формировании особых торговых традиций и мирных бытовых отношений, а также способствовала распространению среди них русского политического влияния, так как часть чукчей приняла российское подданство и платила ясак.

Литература

1. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002.
2. Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи и ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896.
3. Йохельсон В.И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении. СПб., 1893. С. 32.
4. Вдовин И.С. Политика самодержавия на Чукотке // История и культура чукчей. Л., 1987.
5. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля. М., 1948.
7. Вдовин И.С. Из истории отношений чукчей и эскимосов // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
10. Литке Ф.П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин» 1826–1829 гг. М., 1946.
11. Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. СПб., 1894.
12. Отчеты колымских окружных исправников об Анюйской ярмарке // Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Картон 1735. Оп. 9. Д. 29. Л. 124–125.
13. Богданович К.И. Очерки чукотского полуострова. СПб., 1901.
14. Августинович Ф. Три года в северо-восточной Сибири // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. Кн. 12.
15. Отчеты колымских окружных исправников об Анюйской ярмарке // ГАИО. Ф. 24. Картон 2028. Оп. 9. Д. 12. Л. 24–28.
16. Отчет колымского окружного исправника Гуляева об Анюйской ярмарке за 1898 г. // ГАИО. Ф. 25. Картон 821. Оп. 8. Д. 148. Л. 1–3.
17. Отчет земского заседателя Колымского округа Попова об Анюйской ярмарке за 1903 г. // ГАИО. Ф. 25. Картон 846. Оп. 8. Д. 1079. Л. 2–8.
18. Сильницкий А.П. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь. Хабаровск, 1897. С. 20, 35.
19. Унтербергер П.О. Приморская область 1856–1898 гг. СПб., 1900. С. 16. Приложение 9.
20. Отчет земского заседателя Колымского округа Попова об Анюйской ярмарке за 1902 г. // ГАИО. Ф. 25. Картон 839. Оп. 8. Д. 739. Л. 2–8.